

Предисловие

Существует сто девяносто три вида мелких и крупных обезьян. Сто девяносто два из них имеют волосяной покров. Исключение составляет голая обезьяна, именующая себя *Homo sapiens* (Человек разумный). Этот своеобразный и весьма процветающий вид тратит уйму времени на изучение мотивов своего поведения и столько же на то, чтобы упорно пренебрегать основными из них. Он гордится тем, что наделен мозгом, который больше, чем у других приматов, но пытается скрыть тот факт, что у него также самый большой пенис, напрасно приписывая эту честь могучей горилле. Человек — чрезвычайно сильная, голосистая, предприимчивая и в высшей степени стадная обезьяна. Самое время изучить характер ее поведения.

Я зоолог, а голая обезьяна — животное. Она представляет подходящую тему для моего пера, и я больше не собираюсь откладывать его в сторону только потому, что ее поведение подчас необъяснимо и производит странное впечатление. Мое оправдание заключается в том, что со всей своей эрудицией *Homo sapiens* так и остался голый обезьяной. Приобретя новые, возвышенные мотивы своего поведения, он не утратил ни одного из прежних, низменных. Подобное обстоятельство зачастую досаждало ему, однако древние

инстинкты были с ним миллионы лет, в то время как новые — самое большее — каких-нибудь несколько тысяч лет. И стало быть, быстро стряхнуть с себя генетическое наследство своей эволюции нет никакой надежды. Если бы человек смирился с этим фактом, то стал бы гораздо менее озабоченным и более законченным животным. Возможно, здесь способен помочь зоолог.

Одна из самых странных особенностей предыдущих исследований поведения голых обезьяны заключается в том, что в них почти никогда не обращали внимания на очевидное. Прежние антропологи мчались сломя голову в самые немыслимые уголки планеты, чтобы разобраться в существе нашей природы, углубляясь в настолько нехарактерные культурные дебри, что о них почти нечего сказать.

Затем они вернулись с поразительными фактами относительно своеобразных привычек спаривания, странных систем родства или зловещих ритуалов, практикуемых этими племенами, и использовали этот материал, словно он имеет самое важное значение для поведения нашего вида в целом. Разумеется, исследования, проведенные этими учеными, были чрезвычайно интересны и полезны, показав нам, что может произойти, когда сообщество голых обезьян оказывается загнанным в культурный тупик. Они продемонстрировали, сколь далеко наше поведение может отойти от нормы, не приводя к полному социальному коллапсу. Однако мы ничего не узнали о типичном поведении типичных голых обезьян. Это можно осуществить лишь посредством изучения общих поведенческих особенностей, свойственных обычным преуспевающим представителям основных

сообществ — типичным индивидам, которые образуют подавляющее большинство вида. С точки зрения биологии это единственный верный подход к решению проблемы. Выступая против него, антрополог старой школы стал бы утверждать, что его технологически простые племенные сообщества находятся ближе к существу проблемы, чем представители более развитых цивилизаций. Осмелюсь утверждать, что это не так. Простые племенные сообщества, существующие в настоящее время, не примитивны; они представлены в ложном свете. Подлинно первобытные племена отошли в прошлое тысячи лет назад. Голая обезьяна — вид животного-исследователя, так что всякое общество, которое не сумело продвинуться, в известном смысле оказалось обществом неудачников, «пошло не туда». Произошло нечто такое, что задержало его развитие и препятствует естественным тенденциям вида, направленным на исследование окружающего мира. Характеристики, которые прежние антропологи изучали у этих племен, вполне могли оказаться теми самыми признаками, которые мешали прогрессу данных сообществ. Поэтому опасно использовать эту информацию как основу для выработки общей схемы нашего поведения как вида.

Напротив, психиатры и психоаналитики держались ближе «к телу» и сосредоточивали свое внимание на клинических исследованиях типичных представителей вида. Хотя многое полученное ими не страдает неполнотой антропологической информации, оно существенно смещено. Индивиды, на основании исследования которых ученые делали свои выводы, несмотря на их общее происхождение, были отмечены того или иного рода отклонениями от нормы или ока-

зались попросту неудачниками. Будь они полноценными, преуспевающими и, следовательно, типичными индивидами, они не стали бы обращаться за помощью к психиатру и не пополняли бы его картотеку. Повторяю: я не хочу преуменьшать значения такого рода исследований. Их результаты дали нам неоценимую возможность понять, каким образом может нарушиться характер нашего поведения. Просто я полагаю, что при обсуждении биологической природы нашего вида в целом нецелесообразно переоценивать роль предыдущих антропологических и психиатрических данных.

(Хочу добавить, что ситуация в антропологии и психиатрии быстро меняется. Многие ученые, работающие в этих областях, признают недостатки прошлых исследований и все чаще обращаются к изучению типичных, здоровых индивидов. Один ученый недавно признался: «Мы ставили лошадь впереди телеги. Мы обследовали ненормальных людей и только теперь, с некоторым опозданием, начинаем обращать основное внимание на здоровых индивидов».)

Метод, который я намерен использовать в данной книге, опирается на материалы из трех главных источников. Ими являются: 1) информация о нашем прошлом, полученная палеонтологами и основанная на ископаемых и других останках наших древних предков; 2) информация, полученная в результате исследований поведения животных, проведенных сравнительными этологами, основанная на детальном наблюдении различных животных, в особенности наших близких сородичей — мелких и крупных обезьян; 3) информация, которую можно собрать с помощью непосредственного наблюдения за типич-

ным, широко распространенным поведением преуспевающих индивидов, взятых из основных современных сообществ собственно голый обезьяны.

Ввиду больших масштабов задачи нам придется прибегнуть к упрощениям. В основном они будут заключаться в пренебрежении подробными описаниями технологических тонкостей и терминологией, сосредоточиваясь на таких сторонах нашей жизни, которые явно прослеживаются и в жизни других видов животных. К ним относятся питание, уход за собой, сон, борьба за существование, спаривание и забота о потомстве. Как реагирует голая обезьяна, когда сталкивается с этими основными проблемами? В чем отличие ее реакций от реакций других мелких и крупных обезьян? В каком смысле она является уникальной и каким образом ее своеобразие соотносится с ходом эволюции этого вида?

Обсуждая эти проблемы, я понимаю, что рискую оскорбить множество народа. Есть такие люди, которые предпочитают не рассматривать себя в качестве животного. Они, возможно, сочтут, что я унизил свой вид, прибегнув в рассуждениях о нем к «животной» терминологии. Могу заверить, что не имел и не имею такого намерения. Есть и такие, которые возмутятся вторжением в их сугубо узкую зоологическую специальность. Однако я полагаю, что такой метод окажется весьма полезным и, при всех его недостатках, покажет сложную природу нашего своеобразного вида с новой (и в некотором смысле неожиданной) точки зрения.

ГЛАВА 1

Происхождение

В одном зоологическом саду висит табличка, которая гласит: «Это животное науке неизвестно». В клетке сидит маленькая белочка. У нее черные лапки, родом она из Африки. На этом континенте белок с черными лапками прежде не встречали. О ней ничего не известно. Нет у нее и названия.

Для зоолога это животное представляет особый интерес. Какую оно вело жизнь, сделавшую его столь своеобразным? Чем оно отличается от трехсот шестидесяти шести других видов белок, существующих в настоящее время, которые уже известны и описаны учеными? В определенный момент эволюции семейства беличьих предки этого животного, должно быть, каким-то образом откололись от остального семейства и создали собственную, независимо размножающуюся популяцию. Какой же фактор окружающей среды привел к тому, что их изоляция трансформировалась в новую форму жизни? Должно быть, новая тенденция началась с какого-то малого шага, когда некое сообщество белок в известной местности стало постепенно изменяться и лучше приспосабливаться к конкретным условиям. Но на этом этапе они все еще могли спариваться с соседними сородичами. Новая особь должна была обладать каким-то небольшим преимуществом

в данном регионе, но она была всего лишь разновидностью основного вида и в любой момент могла быть размыта и поглощена основной массой особей. Если же с течением времени новый вид белок начал все лучше приравниваться к окружающей среде, то в конце концов должен был наступить момент, когда им стало выгоднее изолироваться от возможного смешения с соседями. На этом этапе их социальное и сексуальное поведение должно было претерпеть особые изменения, делая маловероятным, а затем и невозможным спаривание с другими видами белок. По-видимому, вначале изменилась их анатомия, что позволило им успешнее добывать пищу, характерную для данной местности, но впоследствии изменились их брачные призывы и поведенческие сигналы, что обеспечило привлечение внимания партнеров лишь нового типа. Наконец возник совершенно новый, особый и обособленный, триста шестьдесят седьмой вид белок.

Когда мы смотрим на безымянную белку, сидящую в клетке, мы можем лишь догадываться о ходе событий. Мы можем быть уверены лишь в том, что пометы на ее шкурке — черные лапки — указывают на принадлежность животного к новому виду. Но это лишь симптомы, подобно сыпи, которая подсказывает доктору, какая у его пациента болезнь. Чтобы по-настоящему изучить этот новый вид, мы должны использовать данные признаки как отправную точку, которая подсказывает, что перед нами стоящий объект исследования. Мы можем попытаться представить себе ход развития животного, но это будет преждевременный и опасный прием. Лучше начнем с того, что дадим ему простое и очевидное название — назовем его африканской черноногой белкой. Теперь мы должны наблюдать и реги-

стрировать все нюансы ее поведения, а также физического строения, и отмечать, насколько она отличается или похожа на остальных своих сестер. Затем мало-помалу мы приобретем общее представление о ней.

Большим преимуществом при изучении таких животных является то, что мы сами не являемся черконогими белками. Факт этот принуждает нас к скромности, которая подобает серьезному исследователю. Совершенно иначе — и это нас обескураживает — дело обстоит, когда мы пытаемся изучить двуногое животное — человека. Даже зоологу, привыкшему называть животное животным, трудно избежать высокомерия, личной вовлеченности. Мы можем в известной мере преодолеть эти неудобства, осторожно, но сознательно рассматривая человека так, словно это некий вид животного — странная форма жизни, оказавшаяся на анатомическом столе и ожидающая анализа. С чего же нам начать?

По аналогии с изучением нового вида белки начнем со сравнения нашего животного с другими видами животных, которые, по-видимому, наиболее родственны ему. Судя по зубам, рукам, глазам и другим анатомическим особенностям, он явно примат, но весьма необычного вида. Насколько он необычен, становится понятно, если положить в один ряд шкуры ста девяносто двух видов ныне существующих мелких и крупных обезьян, а затем поискать в этом длинном ряду подходящее место для человеческой кожи. Куда бы мы ее ни положили, нам покажется, что она не на месте. В конце концов мы будем вынуждены расположить ее справа, рядом со шкурами больших бесхвостых обезьян — таких как шимпанзе и горилла. Но и здесь бросается в глаза, насколько наше животное отлично

от своих сородичей. Ноги у него слишком велики, руки чересчур коротки, а ступни довольно странные. Совершенно очевидно, что этот вид примата выработал особый способ передвижения, который видоизменил само его строение. Но особое внимание обращает на себя другая особенность: его кожа практически лишена волосяного покрова. За исключением волос на голове, под мышками и возле гениталий, кожа его совсем не защищена от воздействия температуры. При сравнении с другими видами приматов контраст этот особенно заметен. Правда, у нескольких видов мелких и крупных обезьян имеются лишенные волос участки на седалище, лице и груди, но ни у одного из ста девяноста двух видов не наблюдается ничего даже отдаленно похожего на то, что мы видим у человека. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, уже сейчас можно с полным основанием назвать этот новый вид «голой обезьяной». Это простое и точное название, основанное на элементарном наблюдении и лишенное всяческих претензий. Надеюсь, оно поможет нам придерживаться чувства меры и быть объективными.

Разглядывая этот странный экземпляр и ломая голову над предназначением его характерных особенностей, зоолог должен приступить к сравнениям. Где еще обнаженность тела является преимуществом? Обращаться к другим приматам бесполезно, значит, необходимо заглянуть гораздо дальше назад. Краткий обзор всего ряда существующих в настоящее время млекопитающих показывает, что они удивительным образом привязаны к своему меховому покрову и что очень немногие из четырех тысяч двухсот тридцати семи видов предпочли отказаться от него. В отличие от своих предков-рептилий, млекопитающие приобрели

значительное преимущество с точки зрения физиологии: они могут поддерживать высокую температуру тела. Таким образом сложным процессам, происходящим в организме, обеспечиваются оптимальные условия. Такого рода свойство не может быть утрачено ни с того ни с сего. Механизмы, контролирующие температуру, жизненно важны, и наличие плотного волосяного покрова явно играет главенствующую роль в предотвращении тепловых потерь. В сильную жару он также будет препятствовать перегреву и повреждению кожного покрова под воздействием солнечных лучей. Если волосяной покров все-таки утрачивается, то на это должны быть веские причины. За редким исключением столь кардинальные изменения происходили лишь в тех случаях, когда млекопитающие перемещались в совершенно новую для себя среду обитания. Летающие млекопитающие — летучие мыши — были вынуждены обнажить свои крылья, но сохранили волосяной покров остальных частей тела, поэтому их вряд ли можно назвать голыми животными. Землеройные животные, например голая кротовая крыса, бурозубки и броненосец, лишь в единичных случаях сократили свой волосяной покров. Такие млекопитающие, как киты, дельфины, морские свиньи, дюгоны, ламантины и гиппопотамы, также освободились от волосяного покрова, чтобы приобрести обтекаемость тела. Однако для всех типичных сухопутных млекопитающих, как бегающих по поверхности земли, так и лазающих по деревьям, неизменной остается поросшая плотной шерстью шкура. Если не считать таких тяжеловесов, как носороги и слоны (у которых имеются характерные для них проблемы, связанные с нагревом и охлаждением тела), голая обезьяна стоит особняком, выделя-

ясь своей наготой из тысяч волосатых, косматых или покрытых мехом сухопутных млекопитающих.

Тут зоолог вынужден прийти к заключению, что имеет дело или с землероющим, или с водным животным. Или же история эволюции голой обезьяны была, очевидно, обусловлена какими-то очень своеобразными, поистине уникальными обстоятельствами. Прежде чем отправиться в экспедицию для наблюдения за животным в его современном виде, ученому следует сначала углубиться в изучение его прошлого и исследовать как можно тщательнее его ближайших предков. Посредством изучения окаменелостей и других останков, а также путем сравнения его с ближайшими родственниками, существующими в настоящее время, нам, возможно, удастся получить некоторое представление о том, что же произошло, когда возник и отпочковался от остального семейства этот новый вид приматов.

Потребуется слишком много времени, чтобы перечислить все незначительные факты, столь тщательно зарегистрированные в течение минувшего столетия. Мы лишь предположим, что задача эта выполнена, и просто сведем воедино выводы, к которым можно прийти, сочетая информацию, предоставляемую нам палеонтологами — знатоками окаменелостей, с фактами, собранными этологами — терпеливыми наблюдателями за большими обезьянами.

Группа приматов, к которой принадлежит наша голая обезьяна, возникла от общих примитивных насекомоядных предков. Эти древние млекопитающие были маленькими, ничего собой не представляющими существами, прятавшимися в лесах, в то время как в мире животных хозяйничали гигантские репти-

лии. Приблизительно от пятидесяти до восьмидесяти миллионов лет назад, после краха великой эпохи рептилий, эти крохотные пожиратели насекомых начали осваивать новые территории. Они множились и распространялись, приобретая многочисленные новые, порой странные формы. Одни стали питаться растениями и в целях безопасности делали себе укрытия под землей или отращивали длинные, похожие на ходули ноги, чтобы убегать от врагов. Другие превратились в хищников с длинными когтями и острыми зубами. Наиболее крупные рептилии исчезли, но открытая местность вновь превратилась в поле боя.

Тем временем животные с маленькими лапами по-прежнему прятались среди лесов и кустарников. Но прогресс был налицо и здесь. Прежние пожиратели насекомых начали расширять свое меню и решали проблему питания, поедая фрукты, орехи, ягоды, почки и листья. По мере превращения в приматов низших форм у них улучшалось зрение. Глаза переместились в переднюю часть лица, а передние конечности приспособились для захвата пищи. Обладая трехмерным зрением, конечностями-манипуляторами и постепенно увеличивавшимся мозгом, эти существа стали все чаще властвовать в мире обитателей деревьев.

От двадцати пяти до тридцати пяти миллионов лет назад эти предобезьяны стали превращаться в собственно обезьян. У них появился длинный, действующий как балансир хвост. Они начали увеличиваться в размерах. Некоторые питались исключительно листьями, но большинство предпочитало разнообразную пищу. Со временем отдельные обезьяноподобные существа становились крупнее и тяжелее. Вместо того чтобы бегать или карабкаться, они стали перемещаться

с ветки на ветку, раскачиваясь на руках. Хвост оказался ненужным. Зато эти животные, став более неуклюжими из-за увеличившихся размеров, перестали бояться передвигаться по земле.

Но даже на этой стадии — стадии обезьян — они по-прежнему стремились продолжать вольготную, с избытком пищи жизнь в лесном Эдеме. Они перемещались на открытые пространства лишь в том случае, когда в их жизнь вторгалась какая-то грубая сила. В отличие от первых млекопитающих — любителей исследовать окружающий мир, эти животные приспособились к существованию в лесных чащобах. Миллионы лет ушли на развитие и усовершенствование этой лесной аристократии, и если бы им пришлось покинуть привычную среду обитания, они были бы вынуждены конкурировать с чрезвычайно развитыми (к тому времени) травоядными и хищниками, живущими на земле. Так эти животные и остались на прежнем месте, продолжая жевать фрукты и спокойно заниматься своим делом.

Следует подчеркнуть, что такая линия поведения больших обезьян свойственна, по какой-то причине, лишь обитателям Старого Света. Мелкие же обезьяны развивались обособленно как обитатели деревьев и в Старом, и в Новом Свете, однако американская ветвь приматов так и не достигла стадии крупных обезьян. Напротив, в Старом Свете предки больших обезьян распространились на обширной площади лесов от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. Следы этой экспансии можно наблюдать на примере африканских шимпанзе, горилл, азиатских гиббонов и орангутанов. Однако в регионах, расположенных между этими двумя полюсами, теперь не существует

крупных волосатых обезьян. Леса с сочной листвой исчезли.

Что же произошло с обитавшими в прежние времена большими обезьянами? Мы знаем, что климатические условия стали неблагоприятны для них и в какой-то момент, примерно пятнадцать миллионов лет назад, их лесные владения значительно сократились. Родоначальники крупных обезьян были вынуждены сделать выбор: продолжать держаться за то, что осталось от их древних лесных обиталищ, или же, почти по Библии, ожидать изгнания из рая. Предки шимпанзе, горилл и гиббонов оставались там, где жили, но их число с тех пор стало постепенно уменьшаться. Предки же единственной уцелевшей из крупных обезьян — голый обезьяны — решились покинуть леса и вступить в соперничество с уже успевшими приспособиться наземными животными. Дело это было рискованное, но с точки зрения успешной эволюции — стоящее.

История успеха голый обезьяны начиная с этого момента хорошо известна, однако будет полезно сделать ее краткий обзор, поскольку жизненно необходимо помнить о дальнейших событиях, если мы хотим объективно понять нынешнее поведение этого вида.

Попав в новую среду, наши предки оказались перед мрачной перспективой. Им надо было стать или более умелыми хищниками, чем прежние плотоядные, или лучшими грызунами, чем прежние травоядные. Теперь мы знаем, что они добились успеха в обоих направлениях. Между тем сельское хозяйство возникло всего лишь несколько тысяч лет назад, мы же оперируем миллионами лет. Специализация в использовании растительных видов на открытой местности была еще не под силу нашим древним предкам: надо было дожждаться

появления передовой техники нового времени. Их пищеварительная система не была приспособлена для непосредственного усвоения растительной пищи. Фрукты и орехи, которые они прежде находили в лесу, следовало заменить корешками и клубнями, обнаруженными в земле. Отличие оказалось разительным. Вместо того чтобы ленивым жестом протянуть руку к ветке и сорвать вкусный плод, большая обезьяна, оказавшаяся на земле, должна была упорно рыть землю в поисках драгоценной пищи.

Однако лесная пища состояла не только из фруктов и орехов. Нашей обезьяне были крайне необходимы и животные белки. Ведь она, в конце концов, происходила от насекомоядных предков, а ее древнее лесное обиталище всегда было богато насекомыми. Сочные жуки, птичьи яйца, беспомощные птенцы, древесные лягушки и мелкие рептилии — все это шло в пищу. Более того, эти существа не представляли особой проблемы для довольно непритворливой пищеварительной системы. Такого рода источник пищи существовал и на земле, поэтому ничто не мешало животному расширять ассортимент. Сначала обезьяна не могла соперничать с профессиональными убийцами — хищниками из мира плотоядных. Даже маленький мангуст, не говоря уже о крупной кошке, мог конкурировать с ней в искусстве убивать. Правда, вполне хватало всякого рода детенышей, беспомощных или больных животных, так что первый шаг к переходу на мясной рацион был легким. Однако по-настоящему ценная добыча была оснащена длинными, как ходули, ногами и была готова в мгновение ока сорваться с места, развивая невероятную скорость. Богатые протеином копытные были не по зубам обезьяне.

Наконец мы подошли к отстоящему от нас приблизительно на миллион лет периоду развития предков голый обезьяны, когда произошел ряд потрясающих и весьма драматичных событий. Важно учитывать и то, что многие из них произошли одновременно. Зачастую, когда рассказывается какая-нибудь история, ее отдельные фрагменты выстраиваются так, будто один крупный успех предшествовал другому. Однако это далеко от истины. Жившие на земле большие обезьяны уже обладали крупного размера хорошим мозгом. У них были зоркие глаза и развитые руки. Как и у всех приматов, в их сообществе обязательно существовала определенного уровня социальная организация. В условиях насущной необходимости развивать свои хищнические навыки они стали претерпевать существенные изменения: приобрели более прямую осанку и научились быстрее бегать. Руки освободились, так как отпала необходимость помогать передвижению, и стали сильными, приспособленными держать оружие. Развитие мозга обусловило способность принимать более разумные и быстрые решения. Все эти события не происходили поэтапно, следуя какой-то предначертанной последовательности. Успехи достигались одновременно и только после того, как мелкие шажки вперед делались то в одной области, то в другой, подхлестываемые друг другом. Так возникла большая обезьяна-охотник, обезьяна-хищник.

Резонно предположить, что эволюция могла встать на иной, не столь кардинальный путь развития и из обезьяны получилось бы хищное животное наподобие кошки или собаки — своего рода кошкоподобная обезьяна. Это произошло бы элементарно — путем отращивания зубов и ногтей, которые превратились бы

в опасные орудия убийства — клыки и когти. Но в таком случае первобытной обезьяне пришлось бы вступить в противоборство с успешными развитыми кошкообразными и собакообразными хищниками. Причем противоборство это происходило бы в условиях, выгодных для последних, так что исход столкновения был бы, несомненно, роковым для данных приматов. (Исходя из всего того, что нам известно, такой вариант вполне мог быть испробован и мог окончиться настолько неудачно для них, что не сохранилось бы никаких тому свидетельств.) А применен был совсем другой подход: вместо природного оружия было использовано оружие искусственное, и такой способ сработал.

Следующий шаг заключался в переходе от использования орудий к их изготовлению; наряду с их усовершенствованием улучшилась и техника охоты. Это выразалось не только в более успешном применении орудий охоты, но и в лучшей кооперации животных. Обезьяны-охотники действовали стадами, и по мере усовершенствования способов убийства совершенствовались и методы социальной организации. Волки, собираясь стаями на охоту, рассредоточиваются, но наделенная более развитым мозгом обезьяна-охотник могла применить свои способности к решению таких проблем, как групповое взаимодействие и кооперация. Стали возможными все более сложные маневры. Увеличение мозга давало о себе знать.

По существу, охотничья группа состояла из самцов. Самки были слишком заняты уходом за детенышами, чтобы играть заметную роль в преследовании и поимке добычи. По мере того как методы охоты усложнялись, обезьяне-охотнику пришлось отказаться от кочевнических способов охоты своих предков. Понадобилась

база, лежбище, куда охотник мог возвращаться с добычей и где его ждали самки и чада, с которыми он делился пищей. Этот шаг, как мы убедимся в последующих главах, оказал большое влияние даже на самых изощренных голых обезьян нашего времени.

Таким образом, наш охотник стал оседлым. Это повлияло на характер его сексуального, родительского и социального поведения. Прежний бродячий образ жизни, сопровождавшийся сбором фруктов, стал быстро отходить в прошлое. Охотник действительно покинул обжитой лесной рай. Теперь он стал обезьяной, наделенной чувством ответственности. Начал подумывать об удобствах для стирки и хранения пищи — доисторических аналогах современных стиральных машин и холодильников. Начал обустривать свой быт: так появился очаг, хранилище для продовольствия, искусственные укрытия. На этом моменте нам следует остановиться, поскольку из области биологии мы переходим в область культуры. Биологическая основа этих подвижек заключается в появлении крупного мозга, достаточно сложного для того, чтобы их могла сделать обезьяна-охотник. Однако конкретная форма этого продвижения уже не являлась вопросом специфического генетического управления. Лесная обезьяна, которая стала наземной обезьяной, обезьяной-охотником, оседлой обезьяной, стала обезьяной культурной. И тут мы должны сделать короткую остановку.

Стоит отметить, что нас не интересуют мощные культурные прорывы, которые произошли впоследствии и которыми так гордится сегодняшняя голая обезьяна, — драматические события, которые привели к ним, уместились в какие-то полмиллиона лет,

начиная с умения разжечь костер и кончая созданием космического корабля. История эта увлекательна, однако голой обезьяне угрожает опасность: в своем ослеплении подобными успехами она может забыть, что под внешним лоском по-прежнему остается приматом. («В любом наряде без изъяна есть обезьяна — обезьяна!») Мочиться приходится даже космической обезьяне.

Лишь посмотрев трезвым взглядом на то, как мы возникли, а затем изучив биологические аспекты нашего сегодняшнего поведения как вида, мы действительно сможем получить взвешенное, объективное представление о нашем своеобразном существовании.

Если мы примем историю нашей эволюции такой, какой мы ее здесь представили, то становится ясным один факт, а именно: мы, в сущности, возникли как приматы-хищники. По сравнению с другими малыми и большими обезьянами, существующими в настоящее время, это обстоятельство делает нас уникальными, однако коренные преобразования знакомы и другим сообществам животных. Так, идеальным примером обратного процесса является большая панда. В отличие от нас, вегетарианцев, ставших плотоядными животными, панда — плотоядное животное, ставшее вегетарианцем, и, подобно нам, во многих отношениях это необычное и своеобразное существо. Дело в том, что подобный резкий поворот в судьбе приводит к возникновению особи с раздвоенной личностью. Преодолев такого рода порог, животное отдается новой роли с огромной эволюционной энергией, сохраняя при этом свои многие прежние черты. Прошло слишком мало времени, чтобы животное могло освободиться от всех старых характеристик, поспешно приобретая

новые. Когда древние рыбы стали осваивать сушу, их новые «сухопутные» черты стали развиваться бешеными темпами, хотя животные продолжали сохранять прежние навыки водных обитателей. Для того чтобы выработался совершенно новый вид животного, требуются миллионы лет, поэтому его ранние формы обычно представляют собой поистине странные гибриды. Таким гибридом является и голая обезьяна. И физиология животного, и его образ жизни были приспособлены к существованию в лесных условиях; и неожиданно (неожиданно с точки зрения эволюции) существо это оказалось в мире, где оно могло выжить лишь в том случае, если бы стало жить как наделенный разумом, оснащенный орудием убийства волк. Мы должны изучить, как это повлияло не только на тело животного, но и главным образом на его поведение и как именно мы ощущаем на себе влияние этого наследия сегодня.

Один из способов состоит в том, чтобы сравнить строение и образ жизни типичного примата, питающегося фруктами, с типичным плотоядным. После того как мы поймем существенные различия, касающиеся двух противоположных способов питания, мы сможем вновь обратиться к изучению голой обезьяны и уяснить, как возник подобный гибрид. Самыми яркими звездами в галактике плотоядных являются, с одной стороны, дикие собаки и волки, с другой — большие кошки, такие как львы, тигры и леопарды. Они прекрасно оснащены доведенными до совершенства органами чувств. У них обостренный слух и ухо может поворачиваться в любую сторону, чтобы уловить малейший шорох. Их глаза, хотя и плохо различают статичные детали и цвет, невероятно восприимчивы

к малейшему движению. Их обоняние настолько развито, что нам это трудно себе представить. Они могут различать по запаху целую гамму образов. Они умеют не только безошибочно определять индивидуальный запах, но также выделять отдельные компоненты из целого их букета. Опыты, проведенные над собаками в 1953 году, показали, что их обоняние примерно в миллион — тысячу миллионов раз острее нашего. С той поры эти поразительные результаты не раз подвергались сомнению, более точные тесты не смогли их подтвердить, но даже по самым скромным оценкам собачий нюх в сто раз острее нашего.

Вдобавок к столь первоклассному восприятию дикие собаки и кошки наделены превосходными физическими данными. Кошки молниеносно развивают спринтерскую скорость, собаки отличаются огромной выносливостью как бегуны на длинные дистанции. При нападении они могут использовать мощные челюсти, острые зубы, сильные, массивные передние лапы, оснащенные длинными, похожими на клинки когтями.

Для этих животных акт убийства стал самоцелью, завершающим актом. Правда, они редко убивают просто так, понапрасну, но если такое животное в неволе кормить готовой пищей, то его охотничий инстинкт отнюдь не будет удовлетворен. Всякий раз, когда хозяин прогуливает свою домашнюю собаку или бросает ей палку, чтобы та отыскала ее и принесла, он заботится об удовлетворении врожденной потребности пса, которую нельзя удовлетворить никаким количеством консервированной пищи. Даже самый откормленный домашний кот требует ночного моциона и возможности наброситься на ничего не подозревающую пичужку.

Оглавление

Предисловие	5
ГЛАВА 1. Происхождение	10
ГЛАВА 2. Брачные отношения	56
ГЛАВА 3. Выращивание потомства	119
ГЛАВА 4. Изучение окружающей среды	149
ГЛАВА 5. Самоутверждение	170
ГЛАВА 6. Питание	219
ГЛАВА 7. Забота о здоровье	233
ГЛАВА 8. Животные	254